

RU

**«Чтобы чаще Господь замечал...»
(купола в поэзии П. А. Вяземского и В. С. Высоцкого)**

Волков В. В., Волкова Н. В.

Аннотация. Цель исследования – на основе анализа стихотворений «Очерки Москвы» и «Купола российские» раскрыть сущность христианской составляющей «поэтической философии» П. А. Вяземского и В. С. Высоцкого. Научная новизна исследования заключается в установлении, что рассматриваемые произведения Вяземского и Высоцкого, несмотря на жанровые различия, ментально взаимосвязаны. Русский менталитет основывается на православном мирозерцании, и, в соответствии с ним, центральные мотивы обоих произведений – соборность и богоустремленность. В результате доказано: несмотря на то, что творчество Вяземского и Высоцкого связано с разными периодами истории России, христианская мировоззренческая основа является общей для них обоих.

EN

**“With Hope that in the God’s Eyes They’ll Look Well”
(Cupolas in Poetry by P. A. Vyazemsky and V. S. Vysotsky)**

Volkov V. V., Volkova N. V.

Abstract. The paper aims to reveal the Christian component of “poetical philosophy” by P. A. Vyazemsky and V. S. Vysotsky by the material of the poems “Moscow Sketches” and “A Song of Russia”. Scientific originality of the research involves justifying the thesis that, despite genre differences, the works under study are mentally interrelated. The Russian mentality is based on the Orthodox outlook; accordingly, the key motives of both the poems are all-unity and theo-centricity. As a result, it is proved that though P. A. Vyazemsky and V. S. Vysotsky belong to different historical epochs, their creative work is based on the common Christian ideology.

Введение

Крытые золотом купола российских православных храмов – один из символов нашей страны. В «поэтической философии» П. А. Вяземского и В. С. Высоцкого мотив куполов формально занимает скромное место, относительно подробно разработан лишь в двух ментально – более чем через столетие – созвучных произведениях: это «Очерки Москвы» (1858) и «Купола российские» (1975). Оба стихотворения приходятся на заключительные периоды творчества поэтов, могут рассматриваться как свидетельство их личностной и гражданской зрелости, опоры на вековые православные основания русского духа.

Актуальность данной работы обусловлена факторами двоякого рода. Во-первых, в современных условиях резко активизирующегося геополитического противоборства, связанного с противоположными тенденциями глобализации и суверенизации, необходимо четкое осознание цивилизационного своеобразия России, корнящегося в христианстве. Во-вторых, христианская основа русского менталитета находит практически тождественное по внутренним смыслам выражение у поэтов, творивших в разные исторические эпохи, принадлежавших очень разным слоям общества, и задача современных читателей – понимать и продолжать традицию.

Творчество П. А. Вяземского и В. С. Высоцкого служит показательным примером христианского ментального родства поэтов, которые, на первый взгляд, совершенно между собой не сходны. Подчеркнем: речь не об «интертекстуальности», поскольку «тексты» двух поэтов разные, речь – о национальном духе, по-разному отраженном, но именно едином, сквозь века, специфическом цивилизационном менталитете. Интертекстуальность применительно к поэтическому творчеству обычно понимают как творческий диалог, основанный на общности тематики, на обращении к прецедентным текстам или образам (см., например: [20]).

В данной работе об «интертекстуальности» Вяземского и Высоцкого говорить следует, вероятно, лишь в кавычках, поскольку речь идет о куполах как одном из символов русского православия, а значит, и русского народного духа. Оба – Вяземский и Высоцкий – поэты с глубокими национальными корнями, в силу чего и можно констатировать наличие сходных в своем семантическом основании образов.

Достижение указанной цели основывается на решении следующих задач: 1) обосновать возможность характеристики христианской составляющей «поэтической философии» на основе мотивного комплекса православных куполов; 2) установить содержание мотива куполов в поэзии П. А. Вяземского; 3) установить содержание мотива куполов в поэзии В. С. Высоцкого; 4) раскрыть взаимосвязь поэтического мотива куполов с христианской основой русского менталитета.

Методы исследования: жанрово-тематический, мотивный и концептуальный анализ поэтического текста, интерпретация результатов с позиций филологической герменевтики.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом которых является поэтический язык и мотивные структуры поэтических произведений. В частности, Н. Л. Васильев и Д. Н. Жаткин составили полный «Словарь поэтического языка П. А. Вяземского», позволяющий выявить статистически малообъемные, но значимые для «поэтической философии» жанрово-тематические группировки его произведений [4], А. Е. Крылов и А. В. Кулагин подробно охарактеризовали тематический диапазон лирики В. С. Высоцкого как «энциклопедии советской жизни» [12]. Исследование христианских мотивов лирики предполагает обращение к понятиям «картина мира» [1], «духовный реализм» [6], к работам классиков русской религиозной философии (Н. А. Бердяев [3], П. А. Флоренский [16] и др.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для демонстрации христианской поэтической преемственности в рамках курсов по истории русской литературы разных периодов, а также в целях установления междисциплинарных связей литературоведения с теорией и историей культуры, с философией и религиоведением.

Постановка проблемы

В душах самых разных русских людей, особенно с возрастом, в зреющем осознании своей конечности, просыпается «чувство Бога», основывающееся на том парадоксальном сочетании живого ощущения своей смертности и бессмертия одновременно (ср., например: [5]), корни которого – православная вера, плоды – богомыслие и богоустремленность.

В разные исторические эпохи жили и творили видный государственный чиновник, князь и одаренный поэт П. А. Вяземский (1792-1878), талантливый актер и гениальный народный поэт В. С. Высоцкий (1938-1980). Глубоко несходны царская Россия Вяземского и Советский Союз Высоцкого. Тем не менее это одна страна в ее цельном, уникальном цивилизационном развитии, с преемственностью тех самых главных ценностей, которые коренятся в нашем глубоком прошлом, неразрывно связаны с христианской верой. Два поэта, очень разных по социальному положению и жизненному пути, но с одной ментальной основой, осознание которой обоим далось не сразу. Молодое вольнодумство Вяземского и советское атеистическое воспитание Высоцкого с годами остались в прошлом, обоим открылась вера, а с ней способность видеть свою страну особым, одухотворенным зрением.

Такое личностное созревание органично для «русской души», в нем – родство столь разных поэтов из разных эпох и основание поставить их имена рядом, в том числе для того, чтобы подчеркнуть: ментальный код русской культуры и русской цивилизации, основанный на святости как нравственном и жизненном идеале, видимо или невидимо пронизывает все времена и все социальные слои, вольно или невольно центрирующиеся вокруг Церкви и ее храмов, ее куполов.

Предмет внимания в статье – сходства и различия в мирозерцании Вяземского и Высоцкого, рассматриваемые сквозь призму поэтических словоупотреблений существительного *купол*. Два основных значения: «Купол... 1. Сферическая крыша, наружный свод в форме полушария. К. собора. <...> 2. Поверхность какого-либо предмета в виде полушария. Небесный к. К. парашюта» [13, с. 481]. Несходны судьбы Вяземского и Высоцкого, круг их интересов и жизненный опыт – и контексты употребления сущ. *купол* тоже разные. Однако есть разительная идейно-тематическая близость, переключка двух родственных голосов через сто двадцать лет в двух стихотворениях, сходных по внутреннему смыслу: с одной стороны, это не публиковавшиеся в советское время (видимо, из-за выраженного в них сугубо христианского мироощущения) первые две части «Очерков Москвы» Вяземского (1858), с другой стороны, стихотворение-песня Высоцкого, известная под названиями «Купола» или «Купола российские» (1975) – одна из многочисленных и общеизвестных «визитных карточек» поэта.

Купола в «Очерках Москвы» и «Куполах российских» – часть большого мотивного комплекса с условным названием «Святая Русь», а именно – поэтический религиозно-символический мотив куполов православных храмов, в своем основном содержании общий для Вяземского и Высоцкого, различающийся в деталях, связанных с историческим временем и особенностями личности. Авторы данной работы, как граждане России, знают: купол или купола – неперменная принадлежность, национальная «визитная карточка» любого русского города, нередко и села, иногда даже и небольшой деревушки. Как филологи, авторы не могут судить об особенностях купола как «архитектурно-конструктивной схемы» и о качестве ее реализации строителями, могут только прочесть в авторитетном источнике: «...архитектурная конструкция сводчатого покрытия, по форме близкая к полусфере и образованная вращением кривой вокруг вертикальной оси. <...> Купол позволяет перекрывать пространство без дополнительных опор и освещать интерьер верхним светом» [19, с. 367]. В цитированном фрагменте большой энциклопедической статьи для филолога существенно, что купола оставляют свободным внутреннее пространство храма и позволяют освещать его «верхним светом». Эти «архитектурные» мотивы являются главными для обычных людей, не архитекторов, и для тех поэтических произведений, которые связаны с православным мироощущением.

Методологическая основа работы – традиции филологической герменевтики, понимаемой как «участное мышление» [2], нацеленное на извлечение из текста заключенных в нем смыслов и по возможности выверенное их разъяснение, в том числе применительно к поэзии «духовного реализма» [6]. Сопоставление значений и контекстуальных смыслов существительного *купол* в творчестве двух очень разных классиков отечественной поэзии позволяет высунуть, как Вяземский и Высоцкий воспринимали явленный в архитектуре внутренний смысл куполов, с какими порывами русской души и русской жизни связывалась в их «поэтической философии» купольная устремленность храмов и душ к Создателю.

Купола Вяземского: пейзаж, портрет vs символ народного единства

В поэзии Вяземского, по данным Н. Л. Васильева и Д. Н. Жаткина [4], всего пять стихотворений, включающих лексему *купол* (кроме «Очерков Москвы»). Однако даже в такой небольшой выборке, сделанной по вроде бы формальному параметру – по наличию определенной лексики, высвечивают разные стороны личности и биографии Вяземского.

«Песня» с посвящением «Авроре Карловне Карамзиной» (1833) – это женский поэтический портрет, который строится как развернутая метафора, на со- и противопоставлении. С одной стороны, унылый городской пейзаж, серое северное небо: «Неба купол высокий / Облечен серой мглой, / С неба льются потоки / И туман над землей»; с другой стороны, «небо молодого лица»: «Как улыбочиво-ярко / Это небо горит / И сквозь звезды как жарко / Прямо в душу глядит» [9, т. 4, с. 164]. Здесь умница и светский человек Вяземский, остро слов и мастер комплимента.

«Степь» (1849) – это степной российский пейзаж в типичном духе «дорожных впечатлений» (своеобразный «русский травелог», с доминантой не событий, а пейзажа, без примечательных мест и особых дорожных приключений): «Бесконечная Россия / Слово вечность на земле! <...> Небеса, как купол медный, / Раскалились. Степь гола. / Кое-где пред хатой бедной / Сохнет бедная ветла» [10, с. 292]. Казалось бы, тоска. Но нет. В финале Вяземский, несмотря на всю европейскую образованность и светский лоск, обычный русский человек. Заключительная строфа – спокойное, хотя и со вздохом, приятие – как признание в любви: «Степи голые, немые, / Всё же вам и песнь, и честь! / Всё вы – матушка Россия, / Какова она ни есть» [Там же].

«На берегу Леманского озера» (1854) – это Швейцария, Женевское («Леман») озеро, горный пейзаж: «Над озером оградой прибрежной / Громады гор сомкнулись и срослись... <...> И тянутся воздушные твердыни! / И каждая имеет образ свой: / То куполом подьемлясь в воздух синий, / То башнею зубчатой и крутой» [9, т. 11, с. 147]. Здесь наблюдательный Вяземский, с взглядом художника, способного в «твердых» гор увидеть их «воздушную» устремленность к небу.

«Эсмеральда» с подзаголовком «Воспоминание о Венеции» и посвящением внучке (1855): «И куполы храмов громадных / Отважно парят к небесам; / С холста ли иль с мраморов хладных / Все веет бессмертием нам» [Там же, с. 225]. Вяземский – уже дедушка; скучая, видимо, по внучке, трогательно, не без сентиментальности делится и воспоминаниями, и сиюминутными впечатлениями. Видимо, с возрастом мысли о небесном и вечном: в цитированном отрывке – и мотив устремленности куполов «к небесам», и мотив бессмертия.

«Очерки Москвы» [Цит. по: Там же, с. 272-277] и в жанрово-тематическом отношении, и в плане внутреннего содержания резко отличаются от цитированных выше. Первая часть – городской пейзаж – строится на сочетании характерного для Вяземского *эстетизма* внутренне отстраненного, но любовного восхищения и *духовного реализма*, основывающегося на ценностях религиозного сознания. Красота и святость, земное и небесное – в одном. Традиционный в плане поэтики весенний московский пейзаж, в обычных секулярных красках, – и церковные купола с крестами, как залог Божьего покрова: «Как хороша Москва весною, / Как хороша весна в Москве! <...> Из волн воздушных выплывая, / Златые куполы горят: / Кресты, как серафимов стая, / С земли на небеса парят». *Небеса* земные (пейзаж) – они же и *небеса* духовные, внятные богоустремленному взгляду.

Вторая часть – «духовно-гражданская» лирика: «Твой Кремль – алтарь наш и твердыня. / Он собрал Русь, скрепил, воздвиг; / Он наша сила и святыня, / Молебник и архистратиг». Здесь Вяземский – «государственник», но лирически «неразрывно двойствен»: православный христианин и гражданин России как православной державы. Для него Кремль – источник не только духовной, но и светской власти, символ византийской «симфонии властей», связь Церкви, народа и государства, средоточие русского православия как основы российской государственности, наглядно-земное свидетельство небесной защиты – по греческому, через церковнославянский, слову *архистратиг* – «военачальник».

Убедительно-наглядное свидетельство «симфонийного» строя русской жизни в единстве земного и небесного – дальнейшая картина крестного хода: «Чье сердце Русское не дрогнет, / Когда с твоих колоколов / Раздастся в благовесте громком / К молитве православный зов. / Течет толпа за крестным ходом, / В один поток слилась Москва: / Все духовенство пред народом, / Святое войско божества» [Там же, с. 274].

Определение (не эпитет!) *святой* в этой мощной картине отсылает к сочетанию *Святая Русь* – как по праву характеризующему не только давние времена нашей исторической жизни, но и современность. Святая – всегда, и сейчас тоже! Чем свята? Церковным единством и той устремленностью ввысь, зримое свидетельство которой – купола и колокольни, слышимое – благовест и соборная молитва.

Купола Высоцкого: исповедальность и соборность

Ранее в обзоре тематических сфер поэзии В. С. Высоцкого мы отмечали, что своеобразие индивидуально-поэтической картины мира не только в том, что в ней *есть*, но и в том, чего *нет* или «почти нет», хотя вроде бы

«должно быть» [7, с. 68]. В поэзии Высоцкого практически нет произведений, тематически привязанных к словам *природа* и *Россия*. Почему так? Ответы могут быть многообразными, но сугубо гипотетическими. Налицо факт творческой биографии: «Купола российские» занимают особое место, они как-то особо «выделены».

В поэзии Высоцкого, насколько удалось выяснить, всего два стихотворения, включающих лексему *купол* (кроме «Куполов российских»). О парашютисте и летчике, где *купол* – это купол парашюта: 1) в балладе «Затяжной прыжок с парашютом» (1973): «Стропы рвут меня вверх, выстрел купола – стоп! / И... как не было этих минут. / Нет свободных падений с высот, но зато / Есть свобода раскрыть парашют!» [8, с. 33]; 2) в балладе «Песня летчика» (1975): «Мы взлетали, как утки / С раскисших полей: / Двадцать вылетов в сутки – / Куда веселей! / Мы смеялись, с парилкой туман перепутав, / И в простор набивались / Мы до тесноты, / Облака надрывались, / Рвались в лоскуты, / Пули шили из них купола парашютов» [Там же, с. 244]. Это типичные для Высоцкого персонажи-«маски», образно-наглядное воплощение лучших черт русского национального характера, который в своей основе у людей самых разных человеческих типов, профессий и судеб один, в обобщении может быть пояснен в двух словах – «всеотзывчивость» и «соборность» (подробнее см.: [7]), что особенно наглядно в опорном местоимении *мы*, акцентирующем целостность воинского коллектива.

«Купола российские» [Цит. по: 8, с. 259-260] являют в неразрывной связи два лирических основания всего творчества Высоцкого – *исповедальность* и *соборность*. Исповедальность – в самом широком смысле, преимущественно от лица Других, в заключительный период – от своего собственного. Но обратим внимание: хотя «Купола» исповедальны, личностно-интимное местоимение 1-го лица *я* – в косвенной форме дательного субъекта *мне*, в повторяющихся безличных конструкциях:

«Как засмотрится мне нынче, как задышится!
Воздух крут перед грозой – крут да вязок.
Что споется мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют – да все из сказок!» [Там же, с. 259].

Говорить безлично о личном, своем – отличительная особенность русской ментальности, как она явлена в языке; ср.: «Безличные предложения фиксируют когнитивные модели, сформировавшиеся в национальном сознании и соответствующие прототипическим положениям дел. Занимая в ситуации центральную позицию, человек вместе с тем над ней не властен. Он подчинен некоторой – внешней или внутренней – силе» [1, с. 806]. Лингвистически опредмечивается состояние/процесс, который субъектом не контролируется. Состояние лирического «я» здесь у Высоцкого близко молитве. Вспомним: в святоотеческой традиции подлинная молитва даруется в ответ на искреннюю просьбу о даровании молитвы. Подлинная молитва не зависит (только) от человеческого произволения.

«Купола» Высоцкого, разумеется, не молитва, а исповедальное выпевание того, что *слышится* помимо воли, а «выпевается» – так, как *слышится*. И слышимое двойится: сказка и реальность – одновременно, «два в одном», несовместимое в совмещенности. «Птицы вещие»: *Сирин, Алконост, Гамаюн* – «все из сказок» (так в тексте), но в славянской мифологии – райские (а рай – *не* сказка, «просто» другой мир). Узуально антонимичное контекстуально у Высоцкого если не синонимизируется, то оказывается в одном – многомерном исповедальном пространстве.

Смысловый и композиционный центр – абсолютно реальные *небо, купола и колокол*:

«В синем небе, колокольнями проколотом,
Медный колокол, медный колокол
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом,
Чтобы чаще Господь замечал...» [8, с. 259].

Реальные – да; но сколько реальностей вместе? Спросим: лишь визуально-метафорически «проколото» небо колокольнями, или действительно реален этот порыв – «прорыв» от земли к небу, но в действительности духовной? «Правильный» ответ: и то, и другое.

О *золоте*. В христианстве золото, золотое символичны: цвет золота, его блеск, сияние, неизменяемость во времени символизируют Царство Небесное, нетленную божественную славу Христа, в соответствии с христианской семантикой лексемы *слава*: «Божественное сияние; изображение его на иконах» [15, с. 361]. Золотом сияют купола многих храмов, о славе – божественном сиянии – говорит и золотой ореол вокруг головы святых (заметим, само слово *ореол* восходит к латинскому *aureolus* – уменьш.-ласк., которое через *aureus* «золотой > прекрасный» восходит к *aurum* – «золото» [17, с. 604]). В этом контексте *золото храмов, золото души* – знаки приобщенности в самой богоустремленности – Славе Небесной. Господь «замечает» именно устремленность к Нему – и куполов, и отдельных душ.

Антиномии русской жизни и богоустремленность духа

Как, в чем вершится приобщение/приобщенность России Славе Господней? Об этом – вторая (композиционно-тематически вторая) часть «Куполов» Высоцкого, открывающаяся личным местоимением *я* в позиции субъекта – подлежащего (первое *я* из двух во всем тексте): «Я стою, как перед вечною загадкой, / Пред великою да сказочной страной – / Перед солоно да горько-кисло-сладкою, / Голубую, родниковую, ржаную» [8, с. 259]. «Нанизывание» эпитетов – оксюморонное: *солёное, горькое – и сладкое, голубое (небесное) – и ржаное (земное)*.

Противоположны, но соединены. Так иницируется центральная тема всего текста – тема антиномичности России, в греховности и святости – цельной.

Антиномичность (двойственность, полярность) – фундаментальная особенность русского менталитета, ядро того, что составляет «загадку русской души». Точно сформулировал Н. А. Бердяев (1874-1948): «И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и не измерима никакими аршинами доктрин и учений. <...> Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. <...> Творчество русского духа так же двоится, как и русское историческое бытие. <...> Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством...» [3, с. 9]. Вне антиномичности нет истины; приближаемся к истине, лишь сознавая ее неизбывную противоречивость. П. А. Флоренский (1882-1937), специально занимавшийся историей понятия «антиномия», связывает ее открытие с Гераклитом (544-483 до н.э.), который «твердил всю жизнь свою о разрозненности, раздробленности и антиномичности нашей земной юдоли», подытоживает: «Тезис и антитезис *вместе* образуют выражение истины. Другими словами, истина есть *антиномия*, и не может не быть таковою» [16, с. 137, 143].

Своеобразие пути к святости у Высоцкого в «Куполах» – через мотив «грязи», греховного «сна» как забвения своей богопризванности. «Грязью чавкая, жирной да ржавою, / Вязнут лошади по стремяна, / Но влекут меня сонной державою, / Что раскисла, опухла от сна» [8, с. 259]. *Куполами* зримо явлена богоустремленность – ввысь, к горнему, *грязью* – по-*гряз*-ание в греховном. Зрительно-наглядная, вещная *грязь* в метафорическом обобщении – груз грехов. Общий, суммарный смысл «Куполов», по словам С. М. Шаулова, «внутренний путь русского православного человека от “жирной да ржавой” грязи... – к родине духовной...» [18, с. 79]. Строго в соответствии со святоотеческим пониманием: святость – не в чистоте, полнота которой в земной жизни недостижима, свят один Господь. Возможно лишь ступить на путь к святости, который – в осознании своей греховности, не-чистоты, и в стремлении сколько можно очиститься, по библейскому заповеданию: «...святые будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев. 19:2).

О *державе* и *сне*. *Держава* у Высоцкого – не «просто» синоним *страны*. *Держава* – характеризующее слово, через словообразовательную внутреннюю форму ассоциируется с тем, что страна – как *держава* – с одной стороны, что-то *держит*, с другой – чем-то *держится*. *Держит* – святость своего основания, *держится* – Божьей волей, Его святостью (по богооткровенному слову, «держави и страх у Него; Он творит мир на высотах Своих!» (Иов. 25:2)). *Сонная держава* – оксюморон. *Держава* – активна, *сон* – пассивен. В церковнославянском словаре *сон* – в том числе и «призрак», «смерть», «усыпление совести» [11, с. 638]. Если *держава* – *сонная*, значит, не осознала себя, не услышала в себе голос совести, который – Божий голос.

Финал – со вторым местоимением я в тексте, от первого лица, с повтором афористической строки, уравнивающей в богоустремленности церковные (значит, общенародные) купола и частное лирическое «я», с «золотыми... заплатами», в его стремлении к покаянному очищению:

«Душу, сбитую утратами да тратами,
Душу, стертую перекатами,
Если до крови лоскут истончал,
Залатаю золотыми я заплатами,
Чтобы чаще Господь замечал!» [8, с. 260].

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 8), – заповедовал Спаситель. В осмысляющей перефразировке Высоцкого – покаянно, в надежде сподобиться узреть Господа, смиренно: поначалу хотя бы кусочки огрузневшей грехами души «залатать», тогда и надеяться можно, что Господь «замечать» станет. О том же веками говорили, разъясняя, Отцы Церкви, как, например, святой Иоанн Кронштадтский (1829-1908): «Верь и твердо помни, что ты двойственный человек: один – плотской, большой страстями, ветхий, дьявольский, плотского ищущий и в плотском поставяющий жизнь... <...> а другой – духовный, новый, здравый, Христов, во всем Христа ищущий, Христом поставяющий...» [14, с. 738]. Маловероятно, конечно, что поэт Высоцкий читал творения Иоанна Кронштадтского, что осознанно перефразировал Евангелие, – это генетическая «память сердца» подсказывала, что Истина – там, куда устремлены золотые купола. Память православного русского сердца, глубин национального характера.

Заключение

Авторы приходят к следующим выводам.

Родство лирического «я» двух таких разных поэтов, как Вяземский и Высоцкий, проявляется не столько в историко-литературном или жанрово-тематическом аспектах, сколько в содержании таких ключевых мотивных комплексов, которые тесно связаны с христианскими основами русского менталитета.

Специфическая черта мотива куполов у Вяземского – в акцентировке «симфонийной» роли православия, которое выступает как духовная основа единства народа и государства.

Творчество Высоцкого заслуженно называют «энциклопедией советской жизни»; учитывая исповедальную глубину его религиозной лирики, можно сказать: «русской жизни», безотносительно к историческому времени. «Энциклопедизм» в случае «Куполов» – в глубине проникновения в самые основы антиномичного, внутренне противоречивого, но и в противоречивости цельного национального духа, в связности противоположных, но равно жизненных свойств. Грех врачует покаянием, антиномичность снимается богоустремленностью.

Рассмотренные произведения Вяземского и Высоцкого выражают глубинную, явленную в куполах российских церквей устремленность к духовным небесам. Общее можно выразить в двух словах: **соборность** – единство народного и личного и **богоустремленность**. Эти два мотива составляют основу и «Очерков Москвы» Вяземского, и «Куполов российских» Высоцкого.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мотивной взаимосвязи русской поэзии XIX и XX веков связаны с актуальностью и научной новизной задач выявления в русской литературе традиций христианского реализма.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. 956 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. 208 с.
4. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.
5. Волков В. В., Волкова Н. В. Рассказ А. П. Чехова «Архиерей» в контексте русской литературной танатологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). Ч. 2. С. 51-54.
6. Волков В. В., Волкова Н. В. Три лирических героя в поэтическом творчестве иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2018. № 1. С. 9-20.
7. Волкова Н. В. Русский национальный характер в поэзии В. С. Высоцкого: учеб. пособие / Тверской гос. ун-т. Тверь: Кондратьев А. Н., 2011. 97 с.
8. Высоцкий В. С. Собрание сочинений: в 5-ти т. Тула: Тулица, 1997. Т. 3. 408 с.
9. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. СПб.: Изд-е графа С. Д. Шереметева, 1880. Т. 4. 379 с.; 1887. Т. 11. 463 с.
10. Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1986. 544 с.
11. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. 1120 с.
12. Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: комментарий к песням поэта. М.: Булат, 2010. 384 с.
13. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
14. Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского. М.: Дарь, 2007. 768 с.
15. Склярская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель, 2008. 447 с.
16. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.
17. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 2001. Т. 1. 624 с.
18. Шаулов С. М. Не ждали. Явление Высоцкого в истории литературы // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2014-2015: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Шпилевой, С. М. Шаулова, А. В. Скобелева, А. Б. Семёмина. Воронеж: ЭХО, 2015. С. 60-82.
19. Яковлев А. Н. Купол // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. Т. 39. С. 367-379.
20. Osiewicz V. Интертекстуальность в поэзии Владимира Высоцкого. Poznań: UaM, 2007. 123 с.

Информация об авторах | Author information

Волков Валерий Вячеславович¹, д. филол. н., проф.
Волкова Наталья Васильевна², к. филол. н., доц.

^{1,2} Тверской государственный университет

Volkov Valery Vyacheslavovich¹, Dr
Volkova Natalya Vasilevna², PhD

^{1,2} Tver State University

¹ volk7valery@yandex.ru, ² volknat@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): П. А. Вяземский; В. С. Высоцкий; мотивный комплекс; русский менталитет; филологическая герменевтика; P. A. Vyazemsky; V. S. Vysotsky; motive complex; Russian mentality; philological hermeneutics.